

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

DOI: 10.31857/S023620070025541-2

©2023 Н.Н. ТРУБНИКОВА

ПУТЬ К БЕССМЕРТИЮ: ЯПОНСКОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ КИТАЙСКИХ ДАОССКИХ ПРЕДАНИЙ



Трубникова Надежда Николаевна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Российская Федерация, 119606 Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 9.
ORCID 0000-0001-6784-1793
e-mail: trubnikovann@mail.ru

Аннотация. Японский сборник «Предания нашей страны о бессмертных чудотворцах» («Хонтё: синсэн-дэн», рубеж XI–XII веков), продолжая традицию китайских рассказов о даосских «бессмертных», объединяет тридцать историй о людях, так или иначе вышедших за пределы отпущенного человеку жизненного срока. Далеко не все они следуют наставлениям даосских книг о продлении жизни; многие соединяют буддийское подвижничество с почитанием японских богов *ками*, обитая в горах или, реже, ведя обычную мирскую жизнь. Родовитые особы и знаменитые монахи здесь соседствуют с безвестными простолюдинами, а о некоторых неизвестно ничего кроме их чудес. Список японских «бессмертных» объединяет героев древности, знаменитых монахов и мирян VIII–XI веков и современников повествователя; в отдельные группы можно выделить основателей и хранителей святых мест, чудесных помощников, людей, достигших высот мастерства в поэзии и музыке. Путь «бессмертного» не предполагает исполнения общего для всех набора запретов или требований, и сами чудеса тоже различны. Общей чертой японских подвижников в «Хонтё: синсэн-дэн» можно назвать их

незаинтересованность в бессмертии как таковом: каждый просто делает свое дело или хранит «недеяние» тем способом, какой выбрал для себя. Череда рассказов о «бессмертных» позволяет по-новому изложить японскую историю и нарисовать новую картину самой страны Японии как дающей условия для достижения бессмертия. Даосское учение, как оно представлено в сборнике, оказывается близко махаянскому буддизму с его установкой на подвижничество ради других.

Ключевые слова: японская философская мысль, даосизм, буддизм, Ооэ-но Масафуса, «Хонтё: синсэн-дэн».

Ссылка для цитирования: Трубникова Н.Н. Путь к бессмертию: японское продолжение китайских даосских преданий // Человек. 2023. Т. 34, № 2. С. 132–153. DOI: 10.31857/S023620070025541-2

Даосизм в Японии представлен сравнительно небольшим числом текстов: их гораздо меньше, чем, например, конфуцианских, а с огромным корпусом буддийских сочинений они и вовсе несопоставимы. Даосских школ, монастырей в Японии не было, а практики, обычно соотносимые с даосизмом, существовали в рамках прикладных традиций врачевания, гадания и др. или встраивались в систему «совместного почитания богов и будд», единой обрядности буддизма и синто. Словарь даосского учения использовали составители первых летописей, когда говорили об основах государства, а затем — наставники жреческих традиций, когда строили теорию синтоизма. Влияние китайских даосских книг можно проследить почти в любом японском тексте, где речь идет о каком-либо «пути» (кит. *дао*, яп. *до*:), будь то путь воина, лицедея, торговца и др. Но эти построения по большей части относятся к XIII веку и более поздним временам, когда даосизм в Японии можно считать уже усвоенным учением, пусть и доступным лишь узкому кругу книжников — или же известным в таких изложениях, где традицию Лао-цзы и Чжуан-цзы трудно отделить от традиций Конфуция и Будды. Если же говорить об усвоении даосского пласта китайской мысли, то в IX–XI веках он в Японии представлен в основном в придворной поэзии и ученой прозе, в сочинениях, написанных на китайском языке и по китайским образцам. Понятия и образы, восходящие к даосизму, задействуются в текстах разных жанров, в какой мере — вопрос спорный: решение зависит от того, как исследователь очерчивает для себя рамки даосской традиции¹.

¹ О различных подходах к изучению японского даосизма см.: [Kohn, 1995; Richey, 2015].

Н.Н. Трубникова
Путь к бессмертию: японское продолжение китайских даосских преданий

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

Поиски долголетия и бессмертия, как и путешествия на небеса, на дальние острова или в горы, где обитают «бессмертные», с этой традицией соотносятся вполне уверенно, при том что китайский даосизм к этим темам вовсе не сводится. Еще на рубеже VIII–IX веков книга «Три учения указывают и направляют» («*Санго: сиики*»), относимая к первым памятникам японской философской мысли, представляет учение даосов как ведущее к тому, чтобы сделать жизнь отдельного человека как можно более долгой, легкой и радостной. Оно противопоставляется конфуцианству как учению о задачах человека в семье и в государстве и буддизму как учению об освобождении, о выходе из круговорота рождений и смертей. Три учения дополняют друг друга, коль скоро каждое занимается одной из сторон человеческой жизни, главная же роль в книге отводится буддизму как ставящему и решающему предельные, важнейшие вопросы (см.: [Кукай, 2005]).

«Предания нашей страны о бессмертных чудотворцах» («*Хонтё: синсэн-дэн*») подводят своеобразный итог усвоению даосизма в Японии к рубежу XI–XII веков. В этот сборник объединены рассказы о японцах, прошедших путь «бессмертного»². Составитель Ооэ-но Масафуса (1041–1111), знаток китайской и японской словесности, действует здесь по примеру тех буддийских авторов, кто в X–XI веках сводил воедино рассказы о подвижниках — почитателях будды Амиды или «Лотосовой сутры», выстраивая тем самым особые традиции внутри большой и весьма пестрой традиции японского буддизма³. Предания, близкие к китайским даосским рассказам о долгожителях и чудотворцах, но с японскими героями, Масафуса организует так, чтобы из череды подвижников, пусть напрямую не связанных друг с другом, выстроилась традиция поисков бессмертия.

Образцами для Масафусы послужили китайские сборники: «Отдельные жизнеописания бессмертных» («*Ле сянь чжуань*») Лю Сяна (I в. до н.э.) и «Жизнеописания божественных бессмертных» («*Шэньсянь-чжуань*») Гэ Хуна (IV век н.э.). Источники рассказов — японские летописи, сочинения мастеров придворной словесности, а также собрания буддийских преданий. Первые

² Я пользуюсь изданием [Иноуэ, Оосонэ, 1995: 256–275]. Об истории изучения книги, ее построении и жанровых особенностях см.: [Трубникова, б.г.].

³ Для традиции амидаизма это «Японские записки о возрождении в краю Высшей Радости» («*Нихон о:дзё: Гокураку-ки*», 985), к ним Ооэ-но Масафуса составил продолжение; для традиции «Лотосовой сутры» — «Записки о чудесах Лотосовой сутры в великой стране Японии» («*Дай Нихонкоку Хоккэ-кё: гэнки*», 1040-е годы). Избранные переводы из этих сборников см.: [Японские легенды..., 1984].

исследователи, писавшие о сборнике Масафусы в нашей стране, исходили из того, что для их читателя даосизм и буддизм — разные, в чем-то даже несовместимые учения. И если в книге о «бессмертных» действуют буддийские монахи, упоминаются книги буддийского канона, используются понятия буддийской мысли, то это нужно оговорить как возможное для японской словесности. «Масафуса испытал сильное влияние китайской даосской литературы, но это не помешало ему воплотить в своей книге буддийские идеи» [Свиридов, 1981: 25]. «В буддийских священниках из рассказов “Хонтё синсэн-дэн” мирно сосуществуют преданность “Закону Будды” и обладание “искусством [даосских] святых”» [Игнатович, 1981: 118]. За прошедшие сорок с лишним лет японоведы на множестве примеров показали, что подобное сосуществование учений в текстах японских авторов — скорее норма, чем исключение. Но сосуществование не означает слияния: о самостоятельных, хоть и пересекающихся традициях каждого из учений говорить вполне возможно. Какая же традиция показана в сборнике Масафусы?

Даосские «бессмертные» и их чудеса

«Бессмертный» — принятый, но не вполне ясный перевод для китайских слов *шэньсянь*, *шэньжэнь*, *сянь*. Излагая даосское учение о «бессмертных», начинают обычно с отрывка из 1-й главы «Чжуан-цзы» (IV век до н.э.): «Далеко-далеко на горе Охотниц-прорицательниц живут бессмертные (*шэньжэнь*). Кожа [у них] словно снег, красота подобна девичьей. [Они] вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Оседлав облака и воздух, управляя летящими драконами, странствуют за пределами четырех морей. Душевные силы у них сосредоточены, поэтому не бывает ни мора, ни болезней, урожай зерна [всегда] обилён». Отрывок этот звучит в диалоге; один из собеседников признается, что не верит сказанному. Другой отвечает: «...разве слепыми и глухими бывают лишь телесно? Бывают [глухи и слепы] разумом, как ты... А человек с [подобными] свойствами рассматривает в единстве весь хаос, [всю] тьму вещей. Разве стал бы [он] трудиться над управлением Поднебесной, даже если бы люди [его] просили спасти от смуты? Такому человеку ничто не может повредить, [он] не утонет даже при потопе... не сгорит даже в великую засуху... Разве согласится такой человек заниматься делами?!» [Мудрецы Китая, 1994: 126]. Здесь о бессмертии в смысле вечной жизни прямо не говорится, но названы условия для него. Черты «бессмертного» — вечная молодость и красота, неподверженность недугам

Н.Н. Трубникова
Путь к бессмертию: японское продолжение китайских даосских преданий

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

и опасностям, умение летать, преодолевать огромные расстояния, а также непостижимость для обыденного ума, обладание неким всеобъемлющим знанием и свобода от тех человеческих устремлений, что велят искать власти (будь то властолюбие как таковое, или желание позаботиться о людях, или что-либо еще)⁴. Похожий отрывок есть в 1-й главе «*Ле-цзы*» (IV век до н.э. – IV век н.э.), где, как кажется, различаются «чудесные люди» (*шэньжэнь*) и служащие им «мудрые старцы» (*сяньшэн*), но блаженная жизнь тех и других обычным людям неведома [там же: 18]. Конфуцианская критика учения о «бессмертных» во многом строится вокруг того, что оно непроверяемо: если кто-то не понимает, как может жизнь иметь начало, но не иметь конца, значит, сам он не дорос до высшего знания «бессмертных», что дает простор для шарлатанства⁵. Сборник Лю Сяня как раз и имеет целью показать, что «бессмертные» существуют, обобщить свидетельства о них из исторических и иных сочинений. Наряду с советниками древних правителей здесь действуют прославленные музыканты и мастера других искусств, ставшие «бессмертными» не только в памяти потомков, но и в буквальном смысле.

В дальнейшем одним из направлений даосизма стало учение о том, как человеку стать «бессмертным»; систематически оно изложено в трактате «*Баопу-цзы*» Гэ Хуна [см.: Гэ Хун, 1999]. Сборник преданий Гэ Хуна подтверждает положения этого трактата всевозможными примерами, в том числе недавними. Здесь различается несколько разновидностей «бессмертных»: небесные (обладатели безграничных чудесных сил), земные (обитатели священных гор, обретшие бессмертие в собственном теле), «покинувшие тело» (пережившие смерть в обыденном смысле слова, но продолжающие некоторым образом существовать и после этого). Путь к бессмертию здесь — отказ от мясной и злаковой пищи, полное отречение от богатства, славы и прочих земных благ, уход в безлюдные места, прием алхимических снадобий или же занятия «внутренней алхимией», преобразование тела особыми дыхательными и прочими упражнениями. «Бессмертным» можно стать под руководством учителя, путем подражания долгожителям, в том числе животным (черепахам и др.), единого набора правил для всех не существует, но важнее всего — воля к достижению вечной жизни.

В книге «Три учения указывают и направляют» наставления Гэ Хуна и его единомышленников обобщены так: «Для передачи

⁴ О понимании бессмертия в книге «*Чжуан-цзы*» см.: [Farrugia, 2015].

⁵ Напрмер, в 24-й главе «Взвешивания суждений» («*Лунь хэн*», I век н.э.).

знания непременно надо выбрать человека; слава или безвестность не важны. Если вы отдадите все сердце целиком — то получите наставление... Люди, способные к обучению, уж верно, отличаются от прочего сброда! Когда они двигают руками и ногами, не ранят даже мельчайших насекомых. Из веществ, какими снабжено тело, не проливают вовне ни слюны, ни семени. Тело отдалается от грязи, сердце отвергает алчность. Глаза перестают глядеть вдаль, уши больше не слушают долго. Уста прекращают произносить опрометчивые речи, язык уже не смакует лакомств. Блюдут они как почитительность, так и долг, хранят как человечность, так и сострадание⁶. Собрать тысячу монет — все равно, что сгрести кучу мусора. Лишиться десяти тысяч колесниц — все равно, что скинуть обувь. Увидишь стройную деву — она подобна злему духу-призраку. Поглядишь на почести и звания — они подобны дохлой крысе. Тихо устроиться бы в недеянии! Спокойно и легко бросить бы все дела! ...То, что дороже всего людям обычным, строже всего запрещено людям, ищущим Пути. Если сумеете удалиться от всего этого, то вам нетрудно будет стать бессмертными. <...> Много смеяться, много радоваться, гневаться чрезмерно, горевать чрезмерно — все это и подобное этому вредно, но случается часто. Внутри тела у каждого — великое множество таких врагов. Если бы я не разогнал этих неприятелей, то вы не услышали бы от меня ничего о долгой жизни и длинном существовании». Далее герой книги, отшельник-даос, перечисляет различные снадобья и упражнения, а затем — чудеса: «На солнечном свету тень твоя исчезает. Ты можешь писать и читать в темноте. Видишь до дна земли, можешь ходить по воде. Заставляешь злых духов и божества служить себе, запрягаешь в свою повозку скакунов-драконов... Какого желания тогда нельзя исполнить? <...> Будешь существовать долго, вместе с Небом и Землей, будешь вечно радоваться вместе с солнцем и луной. О, что за легкость! О, что за простор!» [Кукай, 2005: 16–18].

Даос, произносящий эту похвалу учению о бессмертии, хотя и действует в Японии, но остается вполне условным персонажем. «Бессмертные чудотворцы» Масафусы не таковы — это люди, известные по вполне надежным (по крайней мере, для повествователя) японским источникам. Кого же он относит к «бессмертным» и по каким признакам?

⁶ Здесь искатели бессмертия оказываются такими же достойными родичами, как конфуцианские «почтительные дети», и такими же друзьями всему живому, как буддийские милосердные бодхисаттвы.

Н.Н. Трубникова
Путь к бессмертию: японское продолжение китайских даосских преданий

Выбор японских «бессмертных»

Список японских *синсэн* в наиболее полной рукописи сборника Масафусы насчитывает тридцать семь имен. Это древний царевич-богатырь Ямато Такэру; царевич Камицумия, он же Сётоку, один из преобразователей японского государства по китайским образцам и преданный сторонник буддизма; советник древних государей Такэноути-но Сукунэ; простой рыбак Урасима-га Ко, побывавший в стране «бессмертных»; подвижник и чудотворец Э-но Убасоку; монахи Токуицу и Тайтё; отшельник Кумэ; монахиня То:рэн; братья-близнецы Дзэнтю и Дзэнсан, тоже монахи; монах Кисэн, знаменитый поэт; мирянин Гёэй; монахи Кётай, Хоон, Кобо (он же Кукай, автор книги «Три учения указывают и направляют»), монах Дзикаку (он же Эннин), отшельник Ёсё и его ученик; слуга из свиты министра Кавара-ин; загадочные господа То и Гэн; старик, торговавший палочками для еды на рынке в столичном городе Хэйан (Киото); поэт Мияко-но Ёсика; монах под деревом в краю Кавати; человек на берегу реки в краю Мино; отшельник в пещере в краю Дэва; монах в горах Ооминэ; бессмертный в Ооминэ; бессмертный, битый посохами; старец-долгожитель в краю Иё; служка монаха Тюсана; поэт Татибана-но Масамити; монах в храме Тодзи; монах на горе Хира; отшельники в горах Атаго; монах Нитидзо. Шесть жизнеописаний в изложении Масафусы не сохранились (Такэноути-но Сукунэ, Токуицу, Кумэ, Дзэнтю, Дзэнсан, Кисэн). В издании [Иноуэ, Оосонэ (ред.), 1995] истории господ То и Гэна составляют один эпизод; истории Урасима-га Ко в сохранившихся рукописях сборника нет, но она восстанавливается по «Толкованиям к Анналам Японии» («*Сяку Нихонги*», конец XIII века), где процитирована со ссылкой на сборник Масафусы. Итого получается двадцать девять рассказов и одно дополнение.

Уже из этого списка видно, что монашеская традиция с традицией «бессмертных» переплетена очень тесно. Монахи, перечисленные здесь, принадлежали к разным храмам и школам, есть среди них знаменитые, такие как Кобо и Дзикаку, есть неизвестные даже по именам, но объединяет их всех приверженность горным странствиям. В этом смысле можно было бы сказать, что сборник Масафусы описывает традицию подвижничества в горах, «путь упражнений и испытаний», *сюгэндо*. Но — не только: представлена здесь и традиция придворная, и близко связанная с нею традиция поэтическая. Причем, вопреки предписаниям даосских наставников насчет ухода от мирской жизни и особенно от всего связанного с властью, традиции отшельничества и столичной придворной службы у Масафусы переплетаются, в том числе и в жизни одного и того же персонажа.

Рассмотрим один из рассказов. Его герой — монах Нитидзо (905?–967?), сын знаменитого литератора Миёси-но Киёюки (847–919). Здесь, наряду с рассказом о Тайтё, наиболее полно представлены признаки «бессмертного», какими они видятся в сборнике.

Шрамана Нитидзо⁷. Из какого края он родом, неизвестно⁸. Сначала поселился в храме Тодзи [в столице], потом в краю Ямато в уезде Уда в храме Рюмондзи на горе Муруо. Когда учился, он освоил Истинные слова⁹, чудесные силы имел беспредельные. Однажды он копал землю и выкопал жезл, который зарыл в прежней жизни. Значит, он был «рожденным дважды»¹⁰. Когда пришел на гору, он натрудил ноги, не мог больше сделать ни шага. Это, должно быть, горное божество не пустило его идти в другие места. Когда [будущий] общинный старейшина Нингай¹¹ прибыл к его хижине, чтобы принять от него тайное учение, Нитидзо сказал:

— Скорее возвращайся восвояси! Не оставайся здесь! Пусть мой пример тебе послужит предостережением!

Однажды в горах Митакэ Нитидзо вошел в глубокое сосредоточение, и ему явились Алмазный Государь Хранилища¹², а с ним дух министра Сугавары¹³. Это можно прочесть в отдельной записи. Нитидзо превосходно пел и играл на духовых и струнных, дожил до преклонных лет, но выглядел молодо. Люди сомневались, сколько же ему лет, быть может — несколько столетий.

Однажды он пошел в паломничество в святилище Мацуноо¹⁴, хотел узнать об исконно-просветленной сущности тамошнего бога. Трижды семь ночей подвижничал, молился и читал сутры. В последний день

⁷ Шрамана (санскр., яп. *сямон*) — буддийский монах.

⁸ Почему у Масафусы сказано так, неясно; дальнейшие подробности рассказа позволяют говорить о том, что для него, как и для других биографов, Нитидзо — сын Киёюки, уроженец столицы.

⁹ Яп. *сингон*, мантры, которым приписывалась чудотворная сила.

¹⁰ То есть сохранил память о прежних рождениях. Похожий эпизод есть и в предании о старшем брате Нитидзо, монахе Дзёдзо («Собрание примечательных рассказов из прежних и нынешних времен», «*Кокон тё:мондзю:*», рассказ 46). О встречах Дзёдзо с бессмертными см. ниже.

¹¹ Монах Нингай (951–1046), наставник «тайного учения» школы Сингон, почитается как основатель одного из ее направлений, близко связанного с горным подвижничеством *сюэндо:*.

¹² Конго:-дзао:, бог-хранитель гор Митакэ.

¹³ Сугавара-но Митидзанэ (845–903), сановник и поэт, умерший в опале, почитается как бог Китано-Тэндзин; см.: [Федянина, 2014]. Миёси-но Киёюки был знаком с Митидзанэ, и обвинения, повлекшие за собой опалу, во многом повторяют послание Киёюки, обращенное к Митидзанэ. По преданию, именно Нитидзо в вешем видении узнал о том, что Митидзанэ был невиновен, а придворные-клеветники и государь, поверивший их клевете, понесли за это наказание в ад. «Запись сновидения Нитидзо», «*Нитидзо: муки*», или другой пересказ того же видения в рассказе упоминается как «отдельная запись».

¹⁴ Святилище Мацуноо к западу от столицы во времена Масафусы входило в список 22 святилищ, ежегодно получающих дары от государева двора.

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

грязнул гром, сверкнули молнии, поднялся ветер и хлынул дождь, со всех четырех сторон все потемнело. И тут некий старец-отец явился и позвал Нитидзо. Травыгнулись, ветер все сотрясал, двери святилища хлопнули несколько десятков раз. Нитидзо сидел в святилище, закрыв руками уши. Голос молвил:

— Будда Випашьин!¹⁵

Нитидзо очнулся, посмотрел — это был все тот же старец-отец.

И вот Нитидзо вернулся к истокам. После того как его положили в гроб, тело вдруг исчезло. Иные говорили: он отбросил тело и исчез.

Герой рассказа — знаток буддийских обрядов, собеседник японских богов *ками*, горный отшельник, идущий «путем упражнений и испытаний», и искусный музыкант. Его приверженность жизни в горах показана неоднозначно — возможно, он остается там не по своей воле, а по воле божества. Но не исключено и иное прочтение: Нитидзо призывает собрата-монаха покинуть горы, потому что тот еще не готов стать отшельником, тогда как сам может странствовать вполне свободно (если эпизод в Мацуноо относится к более позднему времени, чем эпизод с Нингаем). Стремление узнать «исконно-просветленную сущность» божества, *хонгаку*, можно соотнести с даосскими поисками тайных знаний, но и сама формулировка вопроса, и ответ на него оказываются буддийскими: могущество бога Мацуноо основано на том, что он воплотившийся в Японии древний будда. Отметим, что само соотнесение богов с буддами в Японии часто выражалось формулой *вако до:дзин* (кит. *хэгуан тунчэн*), восходящей к основополагающей даосской книге «*Дао-дэ-цзин*» (4 и 56): будды, бодхисаттвы и иные существа, чтимые в буддизме, «смягчают свой свет, смешиваются с земной пылью», чтобы люди могли чтить их в более близком человеку образе местных богов (формула может толковаться и в противоположном смысле: боги умеряют свой свет, представая буддами). Герой рассказа проживает исключительно долгую жизнь и сохраняет молодость, а после смерти его тело исчезает. Итоги подвижничества Нитидзо вполне позволяют отнести его к «бессмертным», но каких-либо явно даосских способов продления жизни мы здесь не видим; скорее, похоже, что «бессмертным» герой сделался благодаря буддийским «тайным» обрядам. Впрочем, подготовка к этим обрядам предполагает и уход в горы, и пост, и в целом невреждение жизни, но все это если и подразумевается, то не проговаривается.

¹⁵ Светлый бог Мацуноо, Мацуноо-даймэ:дзин, отождествляется здесь с буддой по имени Випашьин (яп. Бибаси), первым в череде семи будд прошлого; Будда Шакьямуни — седьмой в их ряду.



Ямато Такэру

Н.Н. Трубникова
Путь к бессмертию: японское продолжение китайских даосских преданий

Разновидности «бессмертных»

Героев сборника можно разделить на несколько групп, связанных между собой. Следуют они друг за другом в хронологическом порядке и в какой-то мере показывают, как менялись «бессмертные» в разные периоды японской истории.

Первую группу составляют **герои древности**, персонажи, известные по «Анналам Японии» («Нихон сёки», 720) и последующим летописям. Они примерно соответствуют «бессмертным» из сборника Лю Сяна, которые прославились при древнейших

■■■■■■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ**
■■■■■■■■■■■■■■■

китайских правителях. Ямато Такэру, сын государя Кайко, обладал огромной силой, но не силой, а хитростью умирил племя *кумасо* и получил от побежденного вождя почетное имя — «Богатырь Ямато». Также царевич покорял племена *эмиси*, умиротворял буйных богов восточных земель, но божество горы Ибуки одурманило его своим ядовитым дыханием. Ямато Такэру скончался в пути и после похорон вылетел из гробницы в облике белой птицы. К группе «древних» относятся Такэноути-но Сукунэ, долгожитель, служивший многим поколениям государей, и Урасима-га Ко, посетивший гору бессмертных Хорай (кит. Пэнлай), о чем говорится в «Собрании мириад листьев» («*Маньё:сю:*», VIII век, № 1740–1741).

Царевич Камицумия, он же Сётоку (574–622), и Э-но Убасоку занимают место на границе легендарной древности и следующей эпохи — эпохи усвоения Закона Будды в Японии. Именно как буддийский подвижник показан Сётоку. Мудрец Илла, прибывший из Кореи, распознает в нем воплощение бодхисаттвы Каннон (Авалокитешвары). Царевич посылает гонца в Китай, чтобы забрать оттуда книгу, которую читал там в прежнем рождении (это «Лотосовая сутра»), а когда посланец привозит другую копию сутры, «дух» Сётоку, *тамаси*, отделяется от тела, чудесным образом перелетает в Китай и забирает ту самую книгу. На чудо-коне царевич летает по небу, а кроме того, составляет законоуложение и толкования к сутрам, строит храм Ситэннодзи, заранее знает срок своего ухода. Любопытно, что буддийские начинания царевича здесь имеют целью почтить учение *юэчжи* (яп. *гэсси*): соотечественники Будды обозначены китайским именованием одного из западных племен. Это же слово встречается в рассказе о Кобо в том же значении — «индийцы», «люди запада»; тем самым повествователь подчеркивает «китайский» взгляд на Индию и на буддизм. Э-но Убасоку тоже следует Закону Будды, странствует по горам Ёсино, Кадзураки и другим, заставляет горных богов строить мост через ущелье. Бог Хитокотонуси жалуется на него государю, и в итоге Эн чудесным образом «без лодки и вёсел» отправляется вместе с матерью за море; много лет спустя его встречает в Корее один из японских монахов.

Следующая большая группа состоит из *основателей традиций подвижничества*, в основном это монахи VIII–IX веков. Какие эпизоды входили в жизнеописание Токуицу, сказать трудно, но можно предположить, что речь шла о его странствиях по восточной Японии. Близнецы Дзэнтю и Дзэнсан, судя по другим источникам, жили в храме Ситэннодзи, потом перебрались в близлежащие горы. Тайтё был способен очень быстро преодолевать большие расстояния, «летать без крыльев» и прожил несколько



Царевич Сётоку. Все рисунки из серии «Обыкновения мудрецов старых времен» («Дзэнкэн кодзицу»). <https://wikipedia.org>.

столетий; он положил начало почитанию гор Сираяма (Хакусан), пытался, но не смог освободить бога Хитокотонуси, которого Эн в свое время связал и бросил в ущелье. Еще о нескольких богах Тайтё узнал, какова их «исконно просветленная сущность»: для

Н.Н. Трубникова
Путь к бессмертию: японское продолжение китайских даосских преданий

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

божества Инари в столичном святилище Фусими и для бога-дракона святилища Асо на острове Кюсю это опять-таки бодхисаттва Каннон. Монахиня Торэн, тоже долгожительница, обитала у подножия гор и творила чудеса: где она ударяла о землю посохом, там начинали бить родники. Торэн на своем опыте узнала, что к вершинам гор Митакэ (Кимпусэн) женщинам путь заказан, и ее можно причислить к основателям подвижничества в этом краю, ведь итог ее усилий был хотя и отрицательным, но важным. Мирянин Гёэй и монах Хоон основали столичный храм Киёмидзу, причем Гёэй прожил несколько столетий, оставаясь молодым. Он избегал женщин и не ел злаковой пищи, а когда в те места явился Хоон, препоручил святое место ему, ушел в восточные земли и по пути исчез; остались лишь его сандалии и посох. Хоон (ум. 795) также отличался долголетием и не дряхлел, а кроме того, «летал без крыльев». Наставник Кётай пищевых запретов не соблюдал и знался с женщинами (как и Кумэ, который, судя по другим версиям его истории, перестал быть «бессмертным», когда влюбился в простую девушку и сошелся с нею, но остался чудотворцем, перемещал по воздуху тяжелые бревна для строительства храма). Как и Гёэй, Кётай долго ждал, кому доверить святое место — то, где потом построят храм Миидэра; дождавшись преемника, он исчез.

Великий учитель Кобо (Кукай, 774–835) принял в Китае и передал в Японию традицию буддийского «тайного учения» школы Чжэньянь (яп. Сингон)¹⁶. Его китайский учитель (долго ждавший его) распознал в нем бодхисаттву. Места для будущих храмов своей школы Кобо узнал, бросив из Китая три жезла: они перелетели через море и упали в Японии на горе Коя, в столичном храме Тодзи и на мысе Мурото. Кобо состязался в чудотворении с монахом по имени Сюэн (771–835), желавшим заполучить то же «тайное учение» без должных посвящений, и в итоге победил его хитростью, а потом узнал, что на самом деле Сюэн не был человеком — в его образе явился Светлый государь Госандзэ (Траялокавиджая), один из хранителей буддийского обряда, чтобы побудить Кобо совершенствоваться в «таинствах». Выдающимся умением Кобо была каллиграфия, хотя не все надписи ему удавались: некоторые приходилось доделывать и переделывать, зато однажды посланец от заказчика, простой чиновник, испросил себе чудо и сумел сделать надпись почерком Кобо. Еще в жизнеописание Кобо входит широко известный эпизод моления о дожде в дворцовом

¹⁶ Рассказ о Кобо в сборнике Масафусы самый длинный, но и им не исчерпывается многообразие преданий, в которых действует этот монах. См.: [Коляда, 2023].

саду, где явилось божество в облике дракона из дальнего индийского озера Анаватапта. Ученики учеников Кобо через много лет после его ухода обнаружили, что он не умер, а пребывает в глубоком сосредоточении на горе Коя. А залогом прочности «тайной» традиции стало то, что в ее храмах принимают монашество государи и их родичи; один из принцев-монахов побывал в Китае, двинулся дальше в Индию и сообщал в Японию, что «ни юэчжи, ни ханьцы» не превосходят Кобо. Обычаи придворных буддийских молений отчасти тоже восходят к этому наставнику.

Последний в этой группе — рассказ о Великом учителе Дзикаку (Эннине, 794–864), здесь он показан как наставник «тайной» традиции школы Тэндай (кит. Тяньтай). Он побывал в Китае и пережил там гонения на Закон Будды, вернулся, привезя с собой множество книг и образов будд, потом в Японии дал буддийское посвящение государю, широко проповедовал, правоту его подтверждали вещие сны. Эннин никогда не радовался и не гневался, а когда скончался, тело его исчезло, найдены были только сандалии.

За основателями традиций следует группа **чудотворцев-помощников**. Здесь даосский завет заботиться обо всем живом [Гэ Хун, 1999: 39] понимается шире, чем у буддистов: не просто не вредить чужой жизни, но и деятельно беречь ее. Ёсё, брат Дзикаку по школе Тэндай, тоже не гневался и не радовался, его рождению, как и рождению Сётоку, предшествовал вещий сон матери. Ёсё освоил сложнейшие буддийские книги, был милосерден; однажды он ушел в горы Митакэ и стал отшельником. Он почти отказался от еды, мог летать, стал невосприимчив к холоду; имеется точная дата, когда он стал «бессмертным», — осенью первого года Энги (901 г.). Однажды к его приюту вышел некий странник, заплутавший в горах, и Ёсё снабдил его едой и чистой водой; когда состарился дед Ёсё и захотел напоследок встретиться с внуком, отшельник прилетел на крышу родного дома и, невидимый, читал там «Лотосовую сутру». А каждую осень Ёсё прилетал на гору Хиэй к храмам школы Тэндай, когда там шли «непрестанные моления» к будде Амиде, *фудан-но нэмбуцу*, — обряд, начало которому положил Дзикаку.

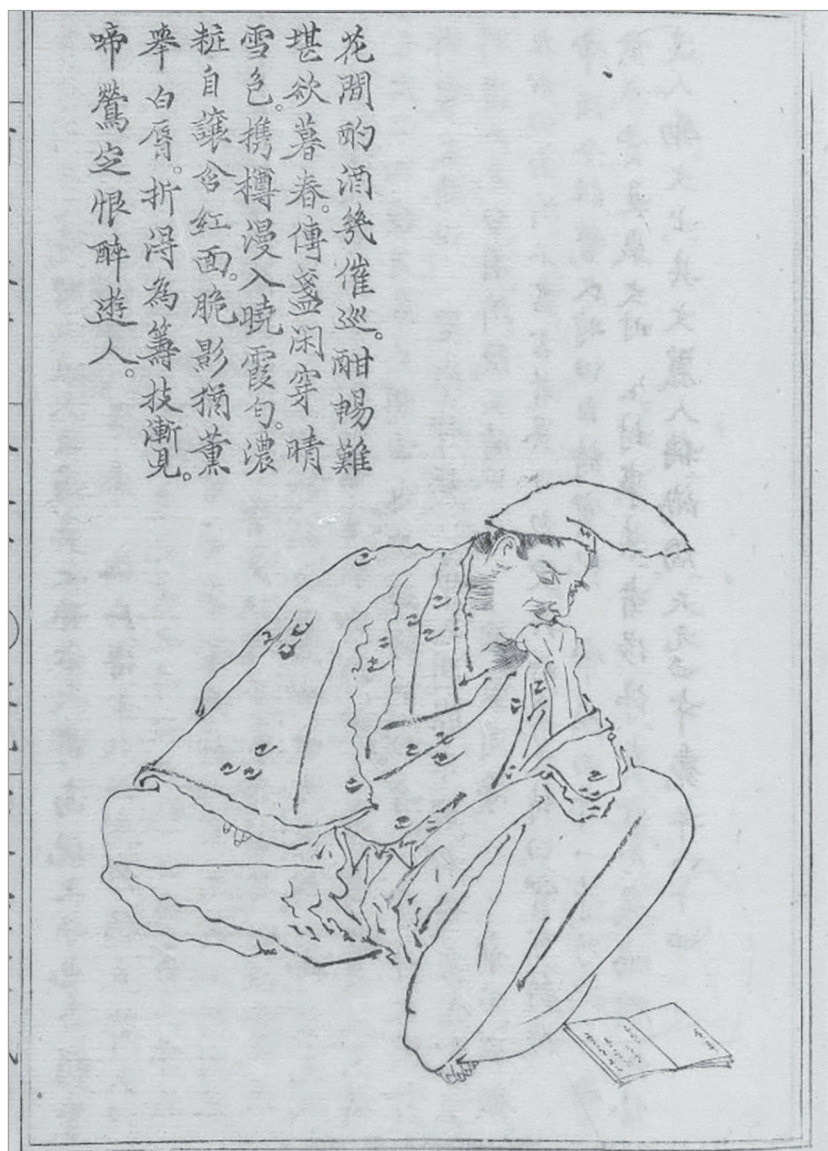
Ученик Ёсё милосерден, как и учитель: он приносит чудесной еды отшельнику, оставшемуся без припасов в горах, и рассказывает, что умеет перемещаться на дальние расстояния и уже побывал на всех островах «бессмертных» и на священных горах Китая. У министра Кавара-ин, он же Минамото-но Тоору (822–895), один из свитских изучает «путь бессмертных»; однажды в купальне он сообщает господину, что тот тоже может стать «бессмертным», ибо имеет особое строение костей; потом свитский достигает бессмертия, приходит к господину, зовет его с собой, но тот

Н.Н. Трубникова
Путь к бессмертию: японское продолжение китайских даосских преданий

не решается уйти, не предупредив жену и детей, и «бессмертный» исчезает. Загадочные господа То и Гэн встречаются в горах старшему брату монаха Нитидзо, монаху-страннику Дзэдзо (891–964), когда он не может переправиться через бурную реку Ёсино. Одетые как миряне на отдыхе, господа берутся «испробовать силу своих заклятий», «принимают дар [от будд]» (кадзи, буддийское понятие) и велят богам — защитникам Закона срубить большое дерево и перекинуть через реку. К этому же ряду историй примыкают жизнеописания «монаха в Ооминэ» и «бессмертного в Ооминэ». Их встретил тот же Дзэдзо, когда плутал без дороги в горах. Монаха он принял за демона, попытался применить против него заклятие, но тот брызнул на Дзэдзо благовонной водой, и соломенный плащ странника загорелся. Потом монах погасил огонь, признался: «Я один из бессмертных чудотворцев», угостил странника чудесно вкусным плодом хурмы и послал свой кувшин провожатым: кувшин полетел по воздуху и вывел Дзэдзо к людям. «Бессмертный в Ооминэ» слетел на дерево, под которым Дзэдзо переждал сильный дождь, чудотворным заклятием разжег костер, чтобы обогреть странника, тоже признался: «Я бессмертный здешних гор», а потом улетел.

Порой «бессмертным» самим требуется помощь. Житель края Ямато изучил «путь бессмертных» и научился летать, но невысоко, кости его остались тяжелыми, и его приходилось снизу подталкивать посохами, отсюда его прозвище Саоути, «битый посохами». Монах из храма Тодзи на виду у прихожан поднялся в небо, но вскоре упал: оказалось, летал он не потому, что стал «бессмертным», а потому, что его поднял помощник-демон. Взлетев слишком высоко, демон увидел Четверых небесных государей — хранителей четырех сторон света — убоился и выронил монаха.

Еще одна группа составлена из «**бессмертных в миру**»: среди китайских жизнеописаний такая категория тоже встречается. Эти люди хотя бы часть своей долгой жизни не прячутся в горах, а живут среди людей. Возможно, таков был для Масафусы монах-поэт Кисэн, известный больше как стихотворец, чем как буддийский подвижник. Таков и Мияко-но Ёсика (834–879), книжник и поэт. Как и Кобо, он был еще и каллиграфом, и когда служил в придворном секретариате, даже в пьяном виде мог написать важную бумагу прекрасным слогом и замечательным почерком. Когда проходил экзамен на должность, Ёсика представил «Сочинение о бессмертных чудотворцах» («*Синсэн-саку*», входит в «Изборник письмен нашей страны» «*Хонтё: мондзуй*», под № 59), и, хотя тему он узнал заранее жульническим путем, сочинение вышло образцовым. Еще Ёсика сотрудничал в Ведомстве по приему иноземных гостей, и успехи его на этом поприще отметил принц Томохира



Н.Н. Трубникова
Путь к бессмер-
тию: японское
продолжение
китайских даос-
ских преданий

Татибана-но Масамити

(964–1009) — сын государя Мураками, поэт и знаток словесности. Однажды на стихи Ёсики откликнулся демон со столичных ворот Судзакумон. У Сугавара-но Митидзанэ (см. выше прим. 13) Ёсика принимал должностной экзамен, и когда Сугавара продвинулся при дворе и обошел старшего собрата по службе, Ёсика в досаде удалился в горы, где его видели сто лет спустя совсем не изменившимся. Здесь в рассказе отмечено, что жизнеописание Ёсики есть в «государственной летописи» (это «Подлинные записи трех

■■■■■■■■■■
СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ
■■■■■■■■■■



Старик – продавец белых палочек

правлений», «*Сандай дзицуроку*»), но повествователь опирается на «иное предание».

Наставник принца Томохиры, книжник Татибана-но Масамити (X век), был прекрасным поэтом, его стихи тоже включены в «Изборник письмен...». Но ни высоких чинов, ни громкой славы Масамити не снижал; однажды он уехал в Корею, удалился в тамошние горы и стал «бессмертным». К этой же группе примыкают

двое простолюдинов. Некий старик долгие годы встречался жителям столицы на рынке: он торговал палочками для еды, мастер словесности Ки-но Хасэо (845–912) посвятил ему текст «Старик с белыми палочками» («*Сирахаси окина*», входит в «Изборник письмен...» под № 213). Однажды старик исчез, а многие годы спустя его видели в горной пещере, и он совсем не изменился. Старец-долгожитель в краю Йё имел на лбу маленькие рожки (признак «бессмертного», им обладал и Э-но Убасоку), без лекарств, следуя лишь «наставлениям святых отшельников», прожил столько лет, что увидел семь поколений своих потомков, а на вид ему нельзя было дать больше шестидесяти. Кроме того, он умел приумножать урожаи, и его семья не знала нужды. По словам повествователя, этот старец «жив до сих пор», хотя на путь «бессмертного» вступил при государе Дайго, то есть в начале X века. Условно к этой же группе можно отнести служку монаха Тюсана (935?–976?), знаменитого толкователя буддийских текстов и мастера диспутов. Хотя его служка жил в буддийской общине, а не в миру, но судьба его была примерно такой же, как у «мирского бессмертного»: не преуспев в науках, любя лишь музыку, он однажды исчез, а когда учитель нашел его в горах, юноша уже облачился в «одеяние из перьев» и стал «бессмертным» (это предание в дальнейшем станет основой для пьесы театра Но «Остров Тикубу» («*Тикубу-сима*»)).

Последнюю группу образуют *загадочные герои*, о ком почти ничего не известно, но странности их укладываются в образ «бессмертного» лучше, чем в образ буддийского отшельника. Некий монах сидел неподвижно в хижине в краю Кавати, обходясь без еды и воды, не имея даже посуды. Он предавался «сосредоточению сидя» (*дзадзэн*, буддийский термин), но повествователь заключает: «Если не бессмертный чудотворец — кто еще мог бы так жить?». Другого странного человека видели сидящим на берегу реки в краю Мино, третьего — в пещере в краю Дэва; они тоже обходились без пищи и какого-либо имущества. Отшельник в горах Хира умел посылать свою чашу в полет, чтобы самому не ходить за подаванием; однажды с чашей непочтительно обошлись корабельщики на озере Бива, и она улетела, уведя с собой весь груз с их корабля (тюки риса улетели, «словно стая гусей осенью»). Корабельщики покаялись перед отшельником и получили свой груз обратно, а китайский монах И Син (683–727), будто бы посетивший Японию, восхвалил страну, где есть такие люди. В другой горной местности, Атаго, жили отшельники, способные посылать за водой летучий медный кувшин, ходить по тонкой дощечке, не ломая ее, и т.д.

Некоторые из героев сборника изучали «путь бессмертных» (свитский министра, Мияко-но Ёсика, битый посохами, отшельники в Хира и Атаго) или называют себя «бессмертными» (монах

Н.Н. Трубникова
Путь к бессмертию: японское продолжение китайских даосских преданий

СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ

不才多愧業猶難。好見山莊一柱冠。夜鶴
眠驚松月共。曉翹飛落峽烟寒。雲埋洞
戶。幽情積木。隔窰中野性。關。學路。蹉跎年
暗擲。更栽蘿竹養漁竿。

扶桑集



Мияко-но Ёсика

и незримый помощник в Ооминэ, служба Тюсана), или так их называет повествователь (Ямато Такэру, Хоона, Дзикаку, Ёсё, То и Гэна, Ёсику, монаха в Кавати, отшельника в Дэва, Татибана-но Масамити). Но ни о ком, кроме Ёсики, Масафуса не говорит, что они стремились достичь бессмертия. Трудно сказать, как это согласуется с указанием даосских книг насчет воли к бессмертию. Возможно, эта воля подразумевается, но упор делается не на нее, а

на другое свойство того же пути: он проходится естественно, не нарочито, или не проходится вовсе. Те герои, о ком известно хоть что-то, в основном имеют выдающиеся способности с детства и/или кто-то (наставники, мудрые встречные) распознает в них выдающихся людей. Но в основном эти люди заняты не даосскими практиками, а какими-то другими делами, мирскими или монашескими, и бессмертие оказывается как бы сопутствующим итогом их трудов; об упражнениях «внутренней алхимии» речи нет вообще. Обиталища даосских «бессмертных» посещают только два героя (ученик Ёсё и рыбак Урасима-га Ко), но оба возвращаются оттуда на родину. Возможно, по Масафусе, значимо некое особое свойство страны Японии: в ее горах и даже не только в горах есть условия для достижения бессмертия, а значит, она так же благодатна, как чудесные страны из даосских преданий.

* * *

В «Преданиях нашей страны о бессмертных чудотворцах» повествователь заново выстраивает картину японской истории, показывая, что в жанре сборника поучительных рассказов эта история может выглядеть не только как путь усвоения Закона Будды, но и как путь обретения бессмертия. Строит он и новую карту своей страны, обозначая на ней горы Ёсино, Митакэ, Ооинэ и другие как священные не только в буддийском, но и в даосском смысле слова. Важно здесь и то, как герои рассказов вершат свои дела: не ради славы и корысти, а ради ближних — или вовсе без внешней цели, ради самого дела. Даосская традиция в книге Масафусы представлена лишь некоторыми чертами, но отбор этих черт примечателен: оставлено лишь то, что согласуется не просто с буддийским учением, а с его махаянским изводом, где забота о собственном спасении отступает на второй план и главной оказывается забота о других. В этом смысле сборник рассказов о японских «бессмертных» вполне укладывается в ту же традицию, что и ученые труды японских авторов, где выдержки из даосских наставлений берутся для обоснования прикладных дисциплин вроде врачевания или гадания, либо для описания взаимодействия жреца с божеством при обряде, либо для формулировки того, в чем суть занятий каким-то искусством или ремеслом.

The Way to Immortality: the Japanese Continuation of the Chinese Taoist Legends

Nadezhda N. Trubnikova

DSc in Philosophy, Leading researcher, School for Advanced Studies in the Humanities.

Н.Н. Трубникова
Путь к бессмертию: японское продолжение китайских даосских преданий

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

82/2 Vernadsky prosp., Moscow 119606, Russian Federation.

e-mail: trubnikovann@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6784-1793

Abstract. The Japanese *setsuwa* collection *Honchō Shinsen-den* (11th–12th centuries), continuing the tradition of Chinese stories about Taoist “immortals”, unites thirty stories about people who somehow went beyond the limits of the human lifespan. Not all of them follow the instructions of the Taoist texts about longevity; many combine Buddhist asceticism with the worship of Japanese kami, living in the mountains or, less often, leading an ordinary worldly life. Well-born persons and famous monks coexist here with commoners, and nothing is known about some other than their miracles. The list of Japanese “immortals” unites the heroes of antiquity, famous monks and laity of the 8th–11th centuries. and contemporaries of the narrator. In separate groups, one can single out the founders and keepers of holy places, wonderful helpers, people who have reached the heights of mastery in poetry and music. The path of the “immortal” does not imply the fulfillment of a set of prohibitions or requirements common to all, and the miracles themselves are also different. A common feature of Japanese ascetics in *Honchō Shinsen-den* is their disinterest in immortality as such: everyone simply does his own thing or keeps “non-action” in the way he chooses for himself. A series of stories about the “immortals” allows us to re-imagine Japanese history and paint a new picture of the country of Japan itself as providing the conditions for achieving immortality. Taoist teaching, as it is presented in the collection, is close to Mahayana Buddhism with its orientation towards asceticism for the sake of others.

Keywords: Japanese thought, Taoism, Buddhism, Ooe no Masafusa, *Honchō Shinsen-den*.

For citation: Trubnikova N.N. The Way to Immortality: the Japanese Continuation of the Chinese Taoist Legends // *Celovek*. 2023. Vol. 34, N 2. P. 132–153. DOI: 10.31857/S023620070025541-2

Литература/References

Гэ Хун. Баопу-цзы / пер. с кит., коммент., предисл. Е.А. Торчинова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.

Ge Hong. *Baopuzi*. Trans. from Chinese by Evgeny A. Torchinov. St.-Petersburg: Petersburg Oriental Studies Publ., 1999.

Игнатович А.Н. Образ «шэньсяня» в японской средневековой литературе // XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.: ИВ АН СССР, 1981. С. 115–121.

Ignatovich A.N. *Obraz “shen’syanya” v yaponskoy srednevekovoy literature* [The Image of *Shenxian* in Japanese Medieval Literature]. XII Scientific Conference “Society and the State in China”. Part 2. Moscow: IOS USSR Publ., 1981. P. 115–121.

- Коляда М.С. Ку:кай в сэцува: «Беседы о делах старины» // История и культура Японии. Вып. 15. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. С. 228–243.
- Kolyada M.S. Kukai v setsuva: “Besedy o delakh stariny” [Kūkai in Setsuwa Literature: *Tales about Old Matters*]. History and culture of Japan. Iss. 15. Moscow: HSE Publ., 2023. P. 228–243.
- Кукай (Кобо-дайси). Три учения указывают и направляют (Санго: шиики) / пер. со старояп., коммент. и исслед. Н.Н. Трубниковой. М.: Издатель Савин С.А., 2005.
- Kukai (Kobo-daishi). Tri ucheniya ukazyvayut i napravlyayut [Sangō shiiki]. Trans. by N.N. Trubnikova. Moscow: Savin S.A. Publ., 2005.
- Мудрецы Китая. Ян Чжу. Лецзы. Чжуанцзы / пер. Л.Д. Позднеевой. СПб.: Петербург – XXI век; Лань, 1994.
- Mudretsy Kitaya [Wise men of China. Yang Zhu. Lezi. Zhuangzi]. Trans. by L.D. Pozdneeva. St.-Petersburg: Petersburg – XXI century; Lan Publ., 1994.
- Свиридов Г.Г. Японская средневековая проза сэцува (структура и образ). М.: Наука, 1981.
- Sviridov G.G. Yaponskaya srednevekovaya proza setsuva (struktura i obraz) [Japanese medieval prose setsuwa (structure and image)]. Moscow: Nauka Publ., 1981.
- Трубникова Н.Н. «Предания нашей страны о бессмертных чудотворцах» Ооэ-но Масафусы в традиции поучительных рассказов // История и культура Японии. Вып. 16 (в печати).
- Trubnikova N.N. “Predaniya nashey strany o bessmertnykh chudotvortsakh” Ooe-no Masafusy v traditsii pouchitel’nykh rasskazov [*Honchō Shinsen-den* by Ooe no Masafusa in the setsuwa tradition]. History and culture of Japan. Iss. 16 (forthcoming).
- Федянина В.А. Покровитель словесности и воплощение бодхисаттвы. Сугавара Митидзанэ и ранняя история культа Тэндзин (IX–XII вв.). М.: КРУГЪ, 2014.
- Fedyanina V.A. Pokrovitel’ slovesnosti i voploshcheniye bodhisattvy. Sugawara Michizane i rannaya istoriya kul’ta Tenjin (IX–XII vv.) [The patron of literature and the Incarnation of the Bodhisattva. Sugawara Michizane and the early history of the Tenjin cult (10th–12th centuries). Moscow: KRUG Publ., 2014.
- Японские легенды о чудесах. IX–XI вв. / пер. А.Н. Мещерякова. М.: Наука, 1984.
- Yaponskiye legendy o chudesakh [Japanese legends about miracles. 10th–12th centuries]. Trans. by A.N. Meshcheryakov. Moscow: Nauka Publ., 1984.
- Inoue Mitsusada, Ōsone Shokuke, eds. Ōjōden [Rebirth Tales]. Hokke genki [Miracles of Lotus Sūtra]. Tokyo: Iwanami, 1995 (in Japanese).
- Farrugia M.L. To Die or Not to Die: Zhuangzi’s Three Immortalities. *Frontiers of Philosophy in China*. 2015. Vol. 10, N 3. P. 380–414.
- Kohn L. “Taoism in Japan: Positions and evaluations”. *Cahiers d’Extrême-Asie*. 1995. Vol. 8(8). P. 389–412.
- Richey J.L., ed. Daoism in Japan. Chinese traditions and their influence on Japanese religious culture. London: Routledge, 2015.

Н.Н. Трубникова
Путь к бессмертию: японское продолжение китайских даосских преданий